

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

**Минск, Республика Беларусь,
20–27 августа 2013 г.**

УДК 811.16
ББК 81.2

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке гранта Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 13-04-00414)
(«Неизвестные грамматические сочинения XVI-XVII вв.:
проблема языковых ошибок»).*

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук *Н.Н. Запольская* (отв. ред.)
доктор филологических наук *Е.С. Суркова*

Лингвистическая эпистемология: история и современность / XV Международный съезд славистов. (Минск, Республика Беларусь, 20–27 августа 2013 г.) / отв. ред. Н.Н. Запольская. – Минск: ПринтЛайн, 2013. – 185 с.

Представленные в сборнике доклады посвящены проблемам лингвистической эпистемологии, которая изучает структуру, функции и развитие знания, а в методологическом варианте представляет собой критический анализ науки.

Для широкого круга гуманитариев.

УДК 811.16
ББК 81.2

© Тексты, коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I.

<i>Н.Н. Запольская</i> Церковнославянский язык в христианской эпистеме.....	5
<i>Е.С. Суркова</i> . О направлениях метаязыковой рефлексии в Кирилло-Мефодиевской филологической школе IX–X вв	31
<i>А.А. Кожина, Е.С. Суркова</i> . Лингвистическая рефлексия в раннем восточнославянском переводе Книги Даниила из Виленского ветхозаветного свода (F 19–262).....	64
<i>Т.В. Крылова</i> . Ум, разум и рассудок в русской языковой картине мира	95

II.

<i>Н.Н. Запольская</i> . Церковнославянский язык XVI–XVII вв.: грамматика ошибок.....	109
<i>И.В. Вернер</i> . Омонимия падежей как дидактический и эвристический принцип в церковнославянской грамматике XV–XVII вв	129
<i>В.С. Томелли</i> . О типологии ошибок в новгородских переводах с латыни	153

О ТИПОЛОГИИ ОШИБОК В НОВГОРОДСКИХ ПЕРЕВОДАХ С ЛАТЫНИ

Как известно, первая встреча (старо)церковно-славянского языка с латынью восходит ко временам моравской миссии, когда солунские братья Константин и Мефодий начали распространять христианское учение на старославянском языке в территории Великой Моравии, подчиненной римскому папе. Не будем здесь задаваться вопросом о том, пользовались ли они при переводе Священного Писания латинскими образцами; по поводу латинского влияния в некоторых местах славянского Евангелия писали уже крупные представители славянской филологии в первой половине прошлого века. Полемизируя с одной статьей В. Погорелова (Погорелов 1925), в которой выдвигалась гипотеза об использовании текста *Вульгаты* Константином и Мефодием при переводе Евангелия, Й. Вайс указывал на то, что славянские чтения, сходные с латинским текстом, находят точную параллель и в греческой рукописной традиции (Vajs 1926-1927: 158)¹.

Как правильно замечал французский лингвист А. Мейе, следует всегда делать различие между влиянием на текстологическом уровне и влиянием на языковом уровне: «En somme, il est facile de reconnaître des influences latines, et d'assez nombreuses et

¹ См. и наблюдения М. Вайнгарта по поводу разнообразия в передаче греческого имени прилагательного ἐπιούσιος в молитве *Отче наш* (Weingart 1937: 24-25).

variées, sur le vocabulaire de l'Église slave. Mais ces influences avaient eu leur effet sur la langue même. Les traducteurs ne les manifestent que parce qu'ils ont utilisé la langue telle qu'ils la trouvaient. En traduisant, ils n'ont subi d'autre action que celle des originaux grecs qu'ils faisaient passer en slave» (Meillet 1926: 41).

Любопытным примером влияния латыни на языковом уровне является передача греческого слова ἄρμα через славянское *оружие* в ветхозаветных славянских текстах (Jagić 1913: 429, 454), в том числе и в Псалтири, переведенной, согласно традиции (Климент 1973: 191), Константином и Мефодием:

Псалом XIX, 8 (Северьянов 1922: 23)

Синайская псалтирь: СѢ ВЪ ОРЪЖЫХЪ И СѢ НА КОНѢХЪ

греческий текст οὗτοι ἐν ἄρμασιν καὶ οὗτοι ἐν

Септуагинты: ἵπποις

гр. ἄρμα ≠ оружие = лат. *arma*

Подобный случай лексической контаминации никоим образом нельзя свести к влиянию латинского текста *Вульгаты*, так как там обнаруживается чтение *currus* 'колесница', соответствующее греческому слову ἄρμα. Исключение интертекстуальности подсказывает, что влияние латыни происходило именно на уровне языкового контакта уже на греческой почве: во второй половине IX века, когда греческий текст *Септуагинты* переводился на славянский, греческое слово ἄρμα приобрело уже значение латинского омонима *arma*. Перед нами явный пример посреднической роли греческого языка византийской эпохи, который в военной и административной сферах сильно подвергался влиянию латыни: «Это соответствие шло

не непосредственно из лат. *arma*, а через посредство греческого языка, где в военных сочинениях греческое слово наряду с исконным греческим значением “колесница” имело и латинскую семантику “оружие”» (Алексеев 1999: 89).

В Киевской Руси контакты с латинским языком почти не состоялись, потому что ориентация восточных славян на византийскую аскетическую культуру определяла корпус и вместе с этим и язык переводимых сочинений. Таким образом, можно с полным правом утверждать, что «первые достоверные сведения о знакомстве восточных славян с латинским языком относятся к XV в.» (Дьячок, Шаповал 1987: 54).

Латинская традиция у восточных славян появляется гораздо позже, прежде всего в областях, принадлежащих литовско-польской короне; известные грамматические трактаты Л. Зизания (1596) и М. Смотрицкого (1618), например, представляют собой результат интенсивных культурных связей с грамматической традицией западного происхождения (Voznjak 1991/1990, Kosiuba 1975).

После присоединения Новгорода к Москве (1478) в городе над Волховом, благодаря усилиям архиепископа Геннадия, открывается новая страница в культурной истории восточных славян, выделяющаяся тем, что в течение четверти века, приблизительно с 1485 по 1505 год, церковнославянская традиция обогащается целым рядом новых текстов, переведенных с латыни. Речь идет в основном о текстах религиозного и дидактически-практического содержания, которые пользовались большой популярностью в За-

падной Европе и неоднократно печатались в последней четверти XV в.

Настоящая статья посвящена проблеме изучения и анализа разного вида ошибок, возникающих в славянских переводах с латыни, осуществленных по заказу новгородского архиепископа Геннадия в конце XV – начале XVI веков². Точкой отсчета приведенных ниже положений является, наряду с известной статьей Фр. Томсона об ошибках в славянских переводах из греческого (Thomson 1988), недавно вышедшее издание трактата Вильгельма Дуранда *Rationale divinatorum officiorum* (Романова, Ромодановская 2012); последнее служит наглядным примером тех частично непреодолимых трудностей, с которыми сталкиваются издатель и, в меньшей степени, исследователь славянского средневекового переводного сочинения.

Нами будут рассматриваться, естественно, и другие переводные сочинения, прямо или косвенно связанные с деятельностью Геннадия и его знаменитого кружка. Сюда относится ряд таких текстов, как, например, ветхозаветные книги, вошедшие в свод т.наз. Геннадиевской Библии 1499 г. (Ромодановская 2001 и 2001, Вернер 2010), грамматические учебники (Ягич 1896/1968, Томеллери 2009, 2010), полемические сочинения против иудеев (Федорова 1999, Зяблицына 2012), описания путешествий (Казакова, Кукушкина 1968, Wimmer 1990), Толковая псалтирь Брунона (Tomelleri 2004), хронологические трактаты и другие памятники; к списку можно было бы доба-

² О новгородском периоде древнерусской литературы по определению Буланина 1995, см. Wimmer 2005.

вить еще и Толковую псалтирь Максима Грека (1522), судя по сообщению Дм. Герасимова в послании к дьяку Мисюру Мунехину (Ковтун 1975: 8, прим. 2). Там описывается процесс совместной работы над переводом псалтирного текста, которая состоялась в том, что Максим переводил с греческого на латынь, а его помощники, Дмитрий Герасимов и Влас, диктовали писарям свой перевод на славянский: *«А ныне, господине, переводит Максим Псалтирь с греческого толковую великому князю, а мы с Власом у него сидим, переменяя: он сказывает по-латыньски, а мы сказываем по-русски писарем»* (Макарий 1996: 214).

Понятие ошибки, по сути дела, является довольно расплывчатым; следовательно, оно будет определяться и уточняться в ходе изложения. Предварительно следует оговориться, что само представление об ошибке вообще применительно к разным уровням изучаемого материала: *«Важно принять во внимание, что, естественно, следует разграничивать собственно переводческие ошибки, возникающие при переводе иноязычного текста, и ошибки, возникающие в ходе дальнейшей трансмиссии перевода»* (Иванов 2012: 284).

В текстологических исследованиях, как правило, считается ошибкой любое отклонение от предполагаемого первоначального текста, отражающего авторскую волю. При восстановлении несохранившегося оригинала издателю очень часто приходится исправлять и дополнять все искажения и пропуски, представляющие собой продукт бытования текста во времени и в пространстве.

Например, при явно ошибочном чтении астрологии, встречающемся в единственном позднем списке славянского перевода упомянутого выше трактата *Rationale divinatorum officiorum*, нельзя исходить из формы именительного падежа множественного числа с неумышленным повторением буквы и; сравнение с латинским подлинником позволяет нам предполагать с большой долей вероятности пропуск выносной буквы *живете* в форме именительного падежа множественного числа относительного местоимения *иже* (Романова, Ромодановская 2012: 72):

В Египте бо вѣху нѣцыи астрологии, нѣкиа...

– *In Egypto enim erant quidam astrologi qui quasdam...*

астрологии < *астрологи ѝ = *astrologi qui*

Таким образом, получается в какой-то мере заколдованный круг, так как первоначальный славянский текст, нужный нам для лингвистического сравнения перевода с его латинской моделью, воссоздается именно посредством этой последней, которая также, в большинстве случаев, представляет собой неизвестную величину.

Что же делать при другом очень любопытном чтении *токоѣ*? Можно исходить, как предлагают издатели текста, из орфографически ошибочного воспроизведения формы имени прилагательного *токоѣ*? Вопреки заманчивости или даже правдоподобности этого объяснения, чтение *токоѣ*, на самом деле, вряд ли восходит к форме *токоѣ*. Ключ для решения загадки дает нам латинский подлинник, содержащий две место-

именные формы – указательное и относительное, – которые соответственно точно передаются по-славянски (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 120):

то кое преизбудет от раздѣлення лѣтъ Господних
– *ille qui remanet de divisione annorum Domini*

Следовательно, нельзя оценивать чтение токое как простую обычную описку, так как в его основе лежит латинский подлинник; в данном случае мы имеем дело, скорее всего, с ошибкой в интерпретации текста *Rationale* со стороны издателей. Однако как мы уже отмечали выше, остается в силе возможность, что именно неправильное – с точки зрения исходного латинского текста – восприятие места казалось естественным читателям, не прибегающим к сравнению с латинским подлинником.

Искажения текста, которые появляются в результате гаплографии и диттографии, касаются исключительно деятельности переписчиков; следовательно, в издательской практике их необходимо устранять, чтобы неверные чтения не считались ложным переводом латинского текста:

в челоуецеѡ хотѣша < *в челоуеце хотѣша = *in homine voluerunt* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 78)

Подобным образом должны трактоваться упрощения слов или форм, когда сложное и редкое выражение заменяется писцом более простой и обычной формой (*lectio facilior*):

Томеллеру В.С.

скончание < *скочение – *saltus* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: passim)

рѡдѣ та. торжество назнаменѣе – *Genui te, illam nativitatem significat* (Толковая псалтирь Брунона, II, 7)

торжество < *то рожество = *illam nativitatem*

тогда бо радости сподобитса – *Tunc enim crescere meruit* (Толковая псалтирь Брунона, XVII, 20)

радости < *расти = *crescere*

Некоторые описки зависят от внутреннего влияния славянской традиции. Например, в кириллической транскрипции латинской формы *Hiems* обнаруживается метатеза согласных м и с:

Иесмь – *Hiems* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 51)

Ошибка связана с сильной ассоциацией непонятного слова с двумя частотными славянскими формами, соединительным союзом и и первым лицом настоящего времени от атематического глагола быти (есмь). Есть поэтому основания предполагать, что в данном случае славянская письменная и языковая традиция решительно повлияла на неправильное копирование латинской формы, находящейся, впрочем, в славянском окружении.

В приведенных выше примерах действительные и мнимые ошибки возникли на текстологическом уровне письменной передачи текста, а не языка. К ним следует относиться очень осторожно: с одной стороны, они дают нам ценные сведения об истории

и развитии определенного текста, с другой стороны, они оказываются бесполезными для языкового анализа славянского текста с точки зрения переводческой техники, поскольку языковой анализ возможен исключительно при филологически обработанном, т.е. “очищенном” тексте.

Поскольку латинские инкунабулы содержали большое количество сокращений и надстрочных знаков, некоторые ошибки тесно связаны с неправильным прочтением латинского подлинника. При этом необходимо всегда учесть возможность возникновения путаницы уже на латинской почве; в данном случае мы имели бы дело с корректным славянским переводом неправильного чтения латинского подлинника:

крѣпцѣ – *sortitur* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 42) – *fortiter* (Wimmer 2005: 145, прим. 423)

сущее – *prima* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 59) – *proprie*

повелѣваѣ – *iubetur* (Толковая псалтирь Брунона, II, 8) – *iubet*

дѣиѣ – *mos* (Толковая псалтирь Брунона, III, 6) – *mos*

плодъ – *frumentum* (Толковая псалтирь Брунона, IV, 8) – *fructum*

сїа оусты пррѣскими оуставилъ ѡ ѡ игомъ тцателнѣ всегда молитиса наоучи – *qui hec per ora prophetica instituit, et per eorum iugem frequentationem sese exorare docuit* (Толковая псалтирь Брунона, Praefatio) – *iugum, semper*

Томеллер В.С.

Неправильное чтение могло иметь не только лексические, как в предыдущих примерах, но и морфосинтаксические последствия, как, например, неразличение латинских окончаний *-um* и *-orum*:

и въ Ѹпованіи числѣ градѹщій^x – *et in spe munerum futurorum* (Толковая псалтирь Брунона, IV, молитва) – *munerum* > *numerus* > *numerosum*

Прочих – *ceterum* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 38) – *ceterum* > *ceterorum* (Wimmer 2005: 145, прим. 423)

Близость латинских форм объясняет иногда некоторые неправильные несоответствия:

Биссекста в шестый календа марта съдержати – *Bissextum sexte martis tenere Kalende* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 49) – *tenere* > *tenere*

В латинском тексте стоит более редкая, архаическая глагольная форма *tenere* (3 лицо множественного числа перфекта) на месте обычной *tenuerunt*. Причина заключается, по-видимому, в экзаметрическом построении предложения, в котором явно выступает функция запоминания стихотворного текста³:

³ Употребление стихов, очень распространенное в средневековье как дидактическое средство, выполняло функцию облегчения процесса запоминания понятий и правил (Hajdu 1936: 54); в иноязычном переводе, мнемонические стихи (*versus meto-giales*) полностью теряют свою силу. Заслуживает, по-этому, самой высокой оценки решение переводчика *Rationale* оставить латинский текст стиха непереведенным, давая славянский перевод на полях: съ стихи складов для писати, а рѣчи их несть тревѣ (Романова, Ромодановская 2012: 88).

из-за метрического размера единственно форма *tĕnŭĕrĕ* могла выступать в такой позиции (ср. *tĕnŭĕrŭnt*).

В других случаях, напротив, омонимия латинских форм реальная. Так, редко употребительный латинский предлог *pone* (антоним к *prae*) переведен в Донате, несмотря на его положение в перечне предлогов, употребляющихся с винительным падежом, как повелительное наклонение от глагола *ponere*:

положи – *pone* (Донат, глава *De praepositione*, Tomelleri 2002: 373, 374)

Не менее интересен следующий случай, в котором “стяженная” форма второго лица настоящего времени страдательного залога, заканчивающаяся на *-re*, передается, за исключением третьего спряжения, как страдательная:

любѣи еси ѿ любиши – *amaris vel amare*
(Донат, глава *amo*, Tomelleri 2002: 403)

оучѣи еси ѿ учитиса – *doceris vel docere*
(Донат, глава *doceo*, Tomelleri 2002: 427)

почитаеши ѿ чести – *legeris vel legere*
(Донат, глава *lego*, Tomelleri 2002: 450)

слышиши ѿ слышати – *audiris vel audire*
(Донат, глава *audio*, Tomelleri 2002: 475)

Наблюдается здесь известное колебание со стороны переводчика, осознающего формальную омонимию стяженной формы с активным инфинитивом настоящего времени и, одновременно, подчеркиваю-

щего ее пассивное значение. При такой интерпретации, если она верна, можно было бы считать ошибкой лишь форму инфинитива действительного залога *чести*.

Подобную ситуацию обнаруживаем также в третьем лице множественного числа перфекта, в котором сосуществуют два окончания, *-erunt* и *-ere*:

любиша ѿ любви – *amaverunt vel amavere*
(Донат, глава *amo*, Tomelleri 2002: 390)

оучахѹ ѿ учиша – *docuerunt vel docuere*
(Донат, глава *doceo*, Tomelleri 2002: 416)

чтоша ѿ чести – *legerunt vel legere*
(Донат, глава *lego*, Tomelleri 2002: 439)

слышаша ѿ слышати – *audiverunt vel audivere*
(Донат, глава *audio*, Tomelleri 2002: 462)

В отличие от предыдущего примера, здесь только в третьем спряжении, при глаголе *legere*, выступают действительно омографы; этот факт, по-видимому, объясняет выбор славянского эквивалента *чести*. В связном тексте, по сути дела, подобный случай нельзя не причислять к числу грубых переводческих ошибок (см. изложенный выше комментарий к неправильному переводу латинской глагольной формы *tenuere*); однако интерлинейный и парадигматический характер славянского текста Доната, первоначально передававшего латинский оригинал в виде сопровождающей глоссы, позволяет высказать осторожное мнение о том, что переводчик этой “ошибкой” сознательно и намеренно подчеркивал омогра-

фию в латинской глагольной системе, указывая в славянском переводе на более употребительную глагольную форму. Интересно отметить, что при передаче словоформы глагола второго спряжения *docere* он поступил правильно, но, судя по остальным случаям, непоследовательно.

Некоторые переводческие ошибки легко объяснимы, учитывая особенный характер новгородского произношения латыни (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 22-25). Как показывает кириллическая транскрипция латинских отдельных слов или целых пассажей в разных новгородских переводных сочинениях, латинская буква <с> регулярно передается двумя способами, в зависимости от характера следующего гласного⁴: перед задними гласными произносится велярное [k], тогда как перед передними гласными фонетическая реализация является фрикативной – [s]. В перечне латинских “вкраплений”, засвидетельствованных в переводе *Rationale*, имеются, между прочими, следующие формы (Романова, Ромодановская 2012: 258-261):

<к> [k] перед задними гласными (*u, o, a*): карнем – *carnem*, кор – *cor*, куикве – *cuique*

<с> [s] перед передними гласными (*i, y, e*): десемберь – *december*, едаситас – *edacitas*, циркулус – *circulus*

Подобная фонетическая реализация, для которой можно, исходя из культурно-исторических соображений, предполагать (нижне)немецкую традицию

⁴ О такой же передаче латинской буквы <с> в латинской Псалтири из Чудовского собрания см. Tomelleri 2005: 26-28.

школьного чтения, упоминается в известном высказывании Эразма Роттердамского, упрекающего своих соотечественников в полном неумении различать звуки, обозначенные буквами <c> [k] и <s> [s]. Такое положение вещей вызывало, между прочим, омонимию форм *coenae* (родительный/дательный падеж единственного числа или именительный/звательный падеж множественного числа от слова *coena* “ужин”) и *sene* (отложительный падеж единственного числа от слова *senex* “старый”), в обоих случаях [sene]: «Sed plus etiam erroris est in c, cui respondet apud Graecos k. Aliud enim sonat Latinis, quum praecedit e, i, y, ae, oe, quam quum antecedit a, o, u, ut in *Ceres, cinis, cynicus, coelum, caecus*; aliud in *canis, colo* et *curo*. Nam in illis uulgus nostratum paene nihil discernit inter c et s, ut uix aures diiudicent *coenae* dicas a *coena* an *sene* a *senex*, et utrum *silicem* pro lapide an *Cilicem* pro gente, *citum* a *cito* an *situm* pro *positum*. In *Sicilia* primae syllabae sonum aegre dignoscas a sono proximae» (Kramer 1978: 156)⁵.

Итак, либо через кириллическую транскрипцию, либо просто на слух, в новгородских переводах различные латинские формы, являясь тождественными

⁵ Ein noch grösserer Fehler liegt aber bei c vor, dem bei den Griechen k entspricht. Es klingt nämlich bei den Lateinern anders, wenn es vor e, i, y, ae, oe steht als wenn es vor a, o, u steht, wie z.B. bei *Ceres, cinis, cynicus, coelum, caecus* und anders bei *canis, colo, curo*. Die grosse Menge unserer Landsleute unterscheidet hier nämlich kaum zwischen c und s, so dass die Ohren kaum auseinanderhalten können, ob man *coenae* von *coena* oder *sene* von *senex* sagt, ob man den Stein *silicem* oder das Volk *Cilicem* meint, ob man *citum* von *cito* oder *situm* gleich *positum* sagen will. In *Sicilia* kann man kaum den Klang der ersten Silbe von dem der zweiten unterscheiden (Kramer 1978: 157).

в устах и(ли) в глазах новгородских книжников, совпадали между собой в написании и в произношении; в данной перспективе становятся ясными некоторые иначе совсем непонятные переводческие решения.

Например, в переводе школьного учебника по синтаксису *Правила граматичные* передача латинского грамматического термина *antecedens* через славянское причастие *прѣдсѣдѣющее* является результатом устного и(ли) письменного воспроизведения слова как [antesedens], т.е. *прѣд+сѣдѣти* (Tomelleri 1999: 84)⁶:

Antecedens – прѣдсѣдѣющее

Трѣе правило граматичное е сѣе: прѣдсѣдѣющее его и прѣсѣдѣющее

[T]ertia regula est ista: relativum et suum *antecedens*

длѣжны сѣитиса в родѣ, в числѣ и нѣкогда в лицѣ и в клоненіи

debent convenire in genere, numero et aliquando in persona et in casu.

С другой стороны, в латинских печатных изданиях (инкунабулах), служивших основой для новгородских славянских переводов, латинские дифтонги *ae* и *oe* передавались графически в соответствии с их монофтонгическим произношением как *e*. В латинских подлинниках встречаются поэтому омографические формы, чья двусмысленность могла сбить с толку даже опытного переводчика. Графическое совпадение имени существительного *equus* ‘лошадь’ с именем прилагательным *aequus* ‘равный’ хорошо объяс-

⁶ О подобных случаях в Геннадиевской Библии см. Tomelleri (2005: 27).

няет ложный славянский перевод следующего предложения (Tomelleri 1999: 141):

егда прїидеши ко мнѣ дѧ тебѣ равное
Cum veneris ad me dabo tibi *equum*

Омонимия латинских форм являлась основной причиной морфологических ошибок. Утрата количественного противопоставления в системе латинских гласных, например, привела к совпадению форм именительного и отложительного падежей в склонении имен существительных на *-a*⁷:

В четыре подѣлится чѧстыцы. В нихже первая – *in quatuor subdividitur particulas. In quarum prima* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 38)

В данном примере ошибка связана с тем, что предложная синтагма (предлог *in* и управляемое им имя прилагательное в отложительном падеже *prima*) прерывается определением в родительном падеже *quarum*, которое в латыни, в отличие от русского языка, предшествует определяемому.

В следующем предложении из-за омонимии именительного и отложительного падежей в первом склонении оборот *Ablativus absolutus*, для передачи которого обычно переводчики Геннадиевского кружка использовали дательный самостоятельный, неправильно переведен на славянский в именительном падеже (*Nominativus pendens*):

⁷ В свое время святой Августин высказывал свое мнение в пользу замены старой формы *ōs* 'кость' через *ossum*, чтобы избежать опасности графической двусмысленности со словом *ōs* 'уста' (Müller 2001: 145).

без промежня, сирѣчь ни едино слово оставлено – *sine spatio, id est nulla littera dimissa* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 116)

Желание наблюдать синтаксическое построение славянского предложения иногда обуславливало инверсию в синтаксическом управлении:

к совокупленію пожелѣнія – *ad concubandi voluntatem* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 62)

Ожидалось бы к совокупления пожелѣнію, но, поскольку славянский синтаксис позволяет “обратный” порядок определения и его определяемого только при личном местоимении, получается синтаксически обусловленный неправильный перевод. См. еще следующий случай:

въ твоѣмъ ^ъожиданіи сѣда – *in tui exspectatione iudicii* (Толковая псалтирь Брунона, VII, oratio)

Здесь дистантное положение определения *tui* (род. п.) и его определяемого *iudicii* (отл. п.) благоприятствовало нарушению синтаксической связи между ними.

Мы, таким образом, переходим постепенно к явлениям синтаксического характера. Подобные случаи встречаются довольно часто:

от ѡертъ пять углов – *ex linearum quinque angulis* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 41)

В славянском переводе синтаксическая связь, выражающая зависимость лексического элемента ѡертъ от следующего слова угол, совсем не ясна.

Томеллери В.С.

Расстояние между подлежащим и сказуемым лежит в основе следующей передачи, в которой не реализуется правильное согласование по роду между подлежащим конструкции дательного самостоятельного студению (среднего рода) и причастной формой в женском роде *умалляемъ*, вероятно, из-за близости формы (впрочем неправильной) *крѣпости*:

студению, его крѣпости умалляемъ – *frigore eius fortitudinem minuente* (*Rationale*, Романова, Ромодановская 2012: 43)

Поскольку мы не знаем, кто отвечает за эту путаницу, переводчик ли или переписчик(и), можно только догадываться о первоначальном виде славянского перевода, осторожно предлагая гипотетический вариант *студению его крѣпость умалляему.

В *Правилах граматичных* имеется правило, согласно которому степень прилагательного не меняет падеж управляемого им элемента; для наглядности изложенного даются следующие примеры, в славянском переводе частично противоречащие правилу (Tomelleri 1999: 43):

положительная:	<i>dives auro</i>	БОГА́ ЗЛАТОМЪ
прилагательная:	<i>ditior auro</i>	БОГАТѢЕ ЗЛАТА
превысшая:	<i>ditissimus auro</i>	ПРЕБОГАТѢИШЪ ЗЛАТОМЪ

Перевод отложительной формы *auro* через родительный падеж *злата* нельзя считать удачным, так как имя существительное в данном месте указывает на признак, по которому проводится сравнение. Переводчик, наверное, механически поставил родительный падеж после сравнительной степени, нарушив

экспликативную функцию примера; о том, что он правильно понял смысл латинского подлинника, свидетельствуют остальные формы, в которых выступает ожидаемый творительный падеж *златомъ*.

Сподвижники новгородского архиепископа Геннадия, строго соблюдая средневековый принцип дословного перевода, стремились к сохранению порядка слов латинского образца; в некоторых случаях, однако, верное отношение к подлиннику было обусловлено интерлинеарным характером перевода, какой он явствует в *Донате*, в *Правилах граматичных* (Tomelleri 1999) и в латинской Псалтири Чудовского собрания (Ромодановская 2004). Славянский текст читался в первоначальном намерении его составителей лишь как лексико-грамматическая глосса к основному латинскому тексту.

Подстрочный подход, на самом деле, представляет собой очень важный фактор при анализе определенных явлений, которые нельзя безоговорочно причислять к рубрике простых или механических ошибок. Как нами уже сказано, своеобразность интерлинеарного перевода и подстрочной подачи текста состоит в том, что он выполняет функцию комментария в виде глоссы, сопровождающей главный текст уже не как запись на полях, а как почти равноправная единица⁸.

Имея в виду такое обстоятельство, обратимся теперь к одному чрезвычайно любопытному случаю,

⁸ С течением времени славянский текст, первоначально задуманный как надстрочная глосса, постепенно освобождался, став в конце самостоятельной единицей, как это видим в Казанском списке (Tomelleri 2002, Петрова 2011).

который обычно считался следствием непоследовательного поведения со стороны переводчика⁹: речь идет о склонении латинского имени существительного общего рода *sacerdos*, которое в русском Донате выглядит так (Tomelleri 2002: 242-243):

Единственное число

N	сеи (и) сѣа сацѣдо̑	hic et haec sacerdos
G	сѣ сѣника	huius sacerdotis
D	семѣ сѣникѣ	huic sacerdoti
A	сѣ и сѣю сацѣдотѣ	hunc et hanc sacerdotem
V	о сѣни	o sacerdos
Abl	ѿ сѣ и ѿ сѣа сацѣдотѣ или сацѣдоти	ab hoc et ab hac sacerdote vel sacerdoti

Множественное число

N	сѣи и сѣ сѣницы	hii et hee sacerdotes
G	сѣх и онѣх сѣникѣ	horum et harum sacerdotum
D	сѣм сѣникѣ	hiis sacerdotibus
A	сѣи и сѣх сѣникѣ	hos et has sacerdotes
V	о сѣницы	o sacerdotes
Abl	ѿ сѣ сѣникѣ	ab hiis sacerdotibus.

Как видно, в единственном числе выступает «странная смесь латинского с русским» (Петрова 2001: 338): «В двух косвенных падежах, винительном и отрицательном единственного числа автор сохра-

⁹ (Worth 1983: 84): “awkward attempt to decline *sacerdos* in Cyrillic”.

нил латинское написание этого имени, переданного кириллицей. В остальных падежах обоих чисел дано склонение имени «священник». В именительном падеже единственного числа указаны два варианта (латинский и русский)» (Петрова 2001: 338).

Как объяснить такое загадочное распределение латинской формы *сцѣрдоуъ* и ее лексического эквивалента *сѣнникъ*? Чередование славянской и латинской форм легко объяснимо, если исходить из того обстоятельства, что в латинском языке слово *sacerdos* является именем существительным общего рода, т.е. оно соотносится как с лицом мужского, так и с лицом женского рода. Об этом свидетельствует двойная местоименная форма, которая в латинских грамматических трактатах выполняла функцию греческого артикля, отсутствующего в латыни (Marrou 1950: 371-372, Мок 1975: 49).

Когда латинские местоименные формы тождественны для обоих полов, т.е. в родительном, дательном и звательном падежах единственного числа, передача посредством имени существительного мужского рода *сѣнникъ* не затруднительна, несмотря на потерю важной информации в славянском переводе; при различных же местоименных формах (в именительном, винительном и отложительном падежах единственного числа) перевод через славянскую лексему *сѣнникъ* исключен. Во множественном числе, напротив, такое распределение форм отсутствует; причина могла быть в том, что согласно русской грамматике, во множественном числе нейтрализуется оппозиция по роду. Перед нами, следовательно, не ошибка в прямом смысле слова, а чрезвычайно ори-

гинальное решение, зависящее от необходимости найти однозначное и одностороннее соответствие на лексико-семантическом и грамматическом уровнях, которое подходило бы в рамках интерлинейного построения текста.

Интеллектуальной головоломкой являлась также передача т. наз. причастия будущего времени действительного залога. В именительном падеже часто использовавшаяся в предикативной функции аналитическая конструкция со связкой передается через будущее время, как в других текстах:

w нѣмѣ ѿкровѣнѣ глѣти бѣдѣ – *de quo absolute (pro aperte?) dicturus est* (Толковая псалтирь Брунона, I, 4)

зане сѣдѣти бѣдетъ правдѣ – *quia iudicaturus sit aequitatem* (Толковая псалтирь Брунона, IX, 4)

По сравнению с его употреблением в качестве сказуемого, его передача в рамках парадигматического подхода, как она применяется в русском Донате, представляет собой проблему совсем иного порядка, требующую особого формального решения; в связи с этим эквивалентность отыскивается на уровне морфологического соответствия частей речи; модально-временное значение элегантно передается с помощью простого инфинитива, причем агенс выражается в дательном падеже, как явствует из таблицы:

Причастие будущего времени действительного залога, ед. ч. (Tomelleri 2002: 353-355)

	Мужской род	Женский род	Средний род
Nom	сеи ѹести сїирѣ вѣдетъ – hic lecturus	сїа ѹести вѣ- детъ – hec lectura	сїе ѹтомо вѣ- дѣ – hoc lecturum
Gen	сего емѣ ѹести – huius lecturi	еиже ѹести – lecture	егѣ ѹести – lecturo
Dat	семѣ емѣ ѹести – huic lecturo	еиже ѹести – lecture	ѣ ѹести – lecturo
Acc	сего емѣ ѹести – hunc lecturum	сїю ей ѹести – hanc lecturam	сїе ѣ ѹести – hoc lecturum
Voc	ѡ ѹтѣцїи – o lecture	ѹтѣцаа – lectura	ѹтѣцее – lecturum
Abl	ѡ сего емѣ ѹес- ти – ab hoc lecturo	ѡ сеа ей ѹести – ab hac lectura	ѡ сего емѣ ѹести – ab hoc lecturo

Вызывает определенное недоумение то обстоятельство, что в среднем роде относительное местоимение не стоит в дательном (за исключением отложительного), а в винительном или родительном падеже, как будто переводчик хотел подчеркнуть неактивное участие обозначаемых средним родом предметов в ситуации.

Нельзя поэтому согласиться с мнением о том, что передача причастных форм будущего времени действительного залога являлась бы лишь любопытным примером неудачного перевода: “The **future active participle** proved to be a bit more than the translator-copyists could handle; we adduce it here as a curiosity” (Worth 1983: 161).

С другой стороны, сам переводчик, осознавая трудность своей задачи, предупреждает читателей о том, что латинские причастные формы нельзя перевести дословно на славянский, ведь без знания латинского языка никто не сможет понять славянский перевод:

сицѣ и здѣ ѣ ѡ преведѣ на русское пиша поверху латинского. не будѣ никто поно разумѣти чѣти русскимъ языкомъ а не учивса по латинскѣи (Донат, глава о причастии, Tomelleri 2002: 364)¹⁰

В Геннадиевской Библии встречаются, не очень часто, смешанные глагольные формы, в которых аорист сопровождается связкой; поскольку в латинском подлиннике им всегда соответствуют аналитические формы (страдательного залога или депонентные), естественно здесь предполагать механическое подражание образцу:

Смешение аориста и перфекта в Геннадиевской Библии (Freidhof 1972: 109)

внидоша суть граду – *ingressi sunt civitatem*

вбратиша же соуть – *reversique sunt*

насыцахомса есмы – *saturati sumus*

възпиша соуть – *vociferati sunt*

радовахомса есмы – *gavisi sunt*

вниденъ есмь – *egressus sum*

въспоманѣхса есмь – *recordatus sum*

¹⁰ Перевод Петровой (Петрова 2001: 361) неточен: “[...] этого не поймет тот, кто учится только русскому языку и не знает латинского”.

Нельзя, впрочем, пренебрегать тем, что морфологически сходные формы засвидетельствованы также в оригинальной письменности северо-западного происхождения, как свидетельствует *повесть о приходе Стефана Батория на град Псков*:

«Да весте, рече, бояре и воиводы, яко не на то есмя приидох под град вашъ Псков, абы не взял мене его отити [...]. Да вестъ твое державство, гордый литовский начальниче, король Степане, яко и пяти лет во Пскове христианское отроча посметца твоему безумию и твоим глупым первосоветником, о них же есте к нам писасте» (ПЛДР 1986: 456, 458).

Употребление связки распространяется в сочинениях XVI столетия для устранения грамматической двусмысленности в придаточных конструкциях, введенных застывшей формой бывшего кондиционала *бы*, не выражавшего лицо, причем связка указывала на действующее лицо (Stricker 1979: 291; Успенский 2002: 250). Можно предполагать, что и аористные формы, уже не характерные для живого языка, отождествлялись функционально с *л*-формами, облегчая поморфемный перевод латинской аналитической глагольной формы.

Другого рода ошибки связаны со своеобразной интерпретацией переводимой модели. В русском Донате для обозначения восьмой части речи – *interiectio* (междометие) – выступает термин *различиє*, до тех пор использовавшийся в значении греческого слова ἄρθρον “артикуль” (Tomelleri 2007: 770-772):

ἄρθρον – различіє – *interiectio*

Разумно ли считать такое действительно сомнительное соответствие ошибочным на основе соображений исторического характера? Здесь речь идет, вне всякого сомнения, о сознательном и свободном решении со стороны опытного и способного переводчика, который обращается к существующей грамматической традиции как к лексическому сокровищу; Петрова (2011: 326, прим. 73) видит здесь попытку “сближения греческой и латинской теорий”.

В Донате заслуживает внимания, наряду с выше упомянутым термином различіє, определение отложительного латинского падежа как отрицательный. Станный характер этого термина становится понятным только исходя из латинской грамматической традиции, в которой во всех примерах именного и местоименного склонения латинский *ablativus* является предложным, т.е. сопровождается предлогом *a/ab*, передающимся в славянском переводе через ѿ. Итак, название падежа восходит к предложной конструкции (Томеллери 2009: 403-404):

ѿ сѣ мастера – *ab hoc magistro*

Предположение Петровой (2011: 334, прим. 111) о том, что автор “ставил перед собой цель показать лишь значение отделения (*Abl. separationis*), которое и передавал указанной формулой” (т.е. предлогом ѿ с родительным падежом), не кажется нам убедительным.

Сразу же становится понятным, что задачу исследователя переводного сочинения нельзя сводить

к собранию всех возможных отклонений от ожидаемого результата. Почти каждый отдельный случай, за исключением механических искажений и пропусков, нуждается в подробном рассуждении; кроме того, мы задаем себе вопрос о том, что мы имеем право ожидать от далекого во времени и в пространстве сочинения. Если исходить из нашего сегодняшнего понимания древних текстов, это, вне всякого сомнения, исказит действительную картину и навяжет интерпретации фактов современную точку зрения. Нужно поэтому всегда считаться с тем, что и сколько мы понимаем о древних культурах и языках. Когда мы занимаемся чтением и анализом древнеславянского сочинения, это гораздо меньше того, что мы предполагаем, и особенно меньше того, что понимали древнерусские книжники, когда брались за такую серьезную переводческую работу (см. об этом подробнее Подтергера, Томеллери 2009).

В данной работе мы постарались представить в общих чертах несколько показательных примеров того, что обычно в литературе называется переводческой ошибкой. Подобранный материал должен был служить толчком для дальнейших размышлений как в издательской практике, так и в лингвистическом изучении славянских переводных памятников. Подводя итоги нашего короткого и совсем неполного изложения, мы хотели бы указать на тот факт, что наряду с ошибками древнерусских переводчиков и переписчиков существуют ложные чтения и толкования современных издателей и ученых. Следовательно, временное и, прежде всего, культурное расстояние, отделяющее наше время от изучаемого предмета

должно всегда предостерегать нас от слишком сурового и критического мнения в адрес деятельности наших не менее умных, чем мы, предшественников.

Принятые сокращения

Алексеев 1999 – *Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Вернер 2010 – *Вернер И.* Лингвистические особенности перевода “латинских” книг Геннадиевской библии 1499 г. // *Studi slavistici*. Firenze, 2010. 7. С. 7-31.

Буланин 1995 – *Буланин Д.М.* Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы (Древняя Русь. XVIII век). Т. I: Проза. СПб., 1995. С. 17-73.

Дьячок, Шаповал 1987 – *Дьячок М.Т., Шаповал В.В.* Вариативность принципов транслитерации латинских слов в русской традиции начала XVII в. // Лексическая и фразеологическая семантика языков народов Сибири. Сб. науч. тр. / Федоров А.И. (отв. ред.). Новосибирск, 1987. С. 54-62 [<http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-shapoval-87.htm>. Дата доступа – 29.06. 2013].

Зяблицына 2012 – *Зяблицына Н.А.* Перевод на церковнославянский язык латинских синтаксических конструкций в трактате «Учителя Самуила слово обличительное» (1504) // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2012. Сер. III: Филология, 2 (28). С. 45-56.

Иванов 2012 – *Иванов С.В.* К типологии ошибок на материале русского перевода немецкого «Сказания об Антихристе» // Н.Н. Казанский (отв. ред.), Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. XVI: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского (18-20 июня 2012 г.). СПб., 2012. С. 283-306.

Казакова, Кукушкина 1968 – *Казакова Н.А., Кукушкина*

Л.Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1968. Т. 23. С. 227-247.

Климент 1973 – *Климент Охридски*. Събрани съчинения. Т. 3: Пространни жития на Кирил и Методий / подготовили за печат Б.Ст. Ангелов и Х. Кодов. София, 1973.

Ковтун 1975 – *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975.

Макарий – *Макарий М.* История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240-1589). Отдел второй: Состояние Русской Церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448-1589). Кн. 4. СПб., 1996.

Петрова 2011 – *Петрова М.С.* Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке на примере Дмитрия Герасимова и других // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, 2011. Вып. 34. С. 311-364.

ПлДР 1986 – *Памятники литературы Древней Руси*, том 8: Вторая половина XVI века. М., 1986.

Погорелов 1925 – *Погорелов В.* Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. I: Латинское влияние в переводе евангелия // *Sborník Filosofické Fakulty University Komenského v Bratislavě*, Bratislava, 1925. Т. III, 32 [6], 207-216.

Подтергера, Томеллери 2009 – *Подтергера И.А., Томеллери В.С.* Catholicus: съборный-кафоліческый-православный (из истории термина). Ч. I: Русский язык в научном освещении. М., 2009. Вып. 1 (17). С. 44-108.

Романова, Ромодановская 2012 – *Романова А.А., Ромодановская В.А.* «Rationale divinorum officiorum» Вильгельма Дуранди в русском переводе конца XV в. // Отв. ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведев. М.; СПб., 2012.

Томеллеры В.С.

Ромодановская 2000 – *Ромодановская В.А.* Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской Библии. 1: Рукописи XV – первой трети XVI в. // Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 19. С. 6-28.

Ромодановская 2001 – *Ромодановская В.А.* Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской Библии (1499 г.) // Труды отдела древнерусской литературы. Спб., 2001. Т. 52, С. 138-167.

Ромодановская 2004 – *Ромодановская В.А.* К характеристике интерлинейрной части Чудовской латинской псалтири // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 379-386.

Северьянов 1922 – *Северьянов С.* Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пг., 1922.

Томеллеры 2009 – *Томеллеры В.С.* Одна недописанная глава из истории западного влияния на Московскую Русь. Первая попытка создания синтаксической терминологии. // Text-Sprache-Grammatik. Slavisches Schrifttum der Vormoderne. Festschrift für Eckhard Weiher, herausgegeben von J. Besters-Dilger und A. Rabus. [= Die Welt der Slaven, Sammelbände-Sborniki, Bd. 39]. München; Berlin, 2009. С. 401-416.

Томеллеры 2010 – *Томеллеры В.С.* «Доктринале» Александра де Вилла Деи на Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Спб., 2010. Т. 61. С. 265-277.

Успенский 2002 – *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.), 3-е изд. М., 2002.

Федорова 1999 – *Федорова Е.С.* Трактат Николая де Лиры ‘*Probatio adventus Christi*’ и его церковнославянский перевод. М., 1999.

Ягич 1896/1968 – *Ягич И. В.* Codex slovenicus rerum grammaticarum, edidit V. Jagić / Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке, собрал и объяснил И.В. Ягич. München, 1968. – (Nachdruck

des Separatdrucks Berlin 1896, Slavische Propyläen. Texte in Neu- und Nachdrucken, Bd .25).

Freidhof 1972 – *Freidhof G.* Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81). Die Bücher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer, Frankfurt am Main 1972. – (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe III, Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd. 21).

Hajdu 1936 – *Hajdu H.* Das mnemotechnische Schrifttum des Mittelalters. Budapest, 1936.

Jagić 1913 – *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

Kociuba 1975 – *Kociuba O.* The Grammatical Sources of Meletij Smotryc'kyj Church Slavonic Grammar of 1619. Dissertation Columbia University, 1975.

Kramer 1978 – *Kramer J.* Desiderii Erasmi Roterodami De recta Latini Graecique sermonis pronuntiatione dialogus/Desiderius Erasmus von Rotterdam. Dialog über die richtige Aussprache der lateinischen und griechischen Sprache. Als Lesetext herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Johannes Kramer. Meisenheim am Glan, 1978. – (Beiträge zur klassischen Philologie, Heft 98).

Marrou 1950 – *Marrou H.-I.* Histoire de l'éducation dans l'antiquité, deuxième édition revue et augmentée. Paris, 1950.

Meillet 1926 – *Meillet A.* L'hypothèse d'une influence de la Vulgate sur la traduction slave de l'Évangile // Revue des études slaves. Paris, 1926. T. 6, fasc. 1-2. S. 39-41.

Mok 1975 – *Mok Q.I.M.* Un traité médiéval de syntaxe latine en français // Mélanges de linguistique et de littérature offerts à Lein Geschiere par ses amis, collègues et élèves, Amsterdam, 1975. S. 37-53.

Müller 2001 – *Müller R.* Sprachbewußtsein und Sprachvariation im lateinischen Schrifttum der Antike. München, 2001. – (Zetemata, Heft 111).

Tomelleri V.S.

Stricker 1979 – *Stricker G.* Stilistische und verbalsyntaktische Untersuchungen zum Moskovitischen Prunkstil des 16. Jahrhunderts. München, 1979. – (Slavistische Beiträge, Bd. 127).

Thomson 1988 – *Thomson Fr.J.* Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations // Christianity among the Slavs. The Heritage of saints Cyril and Methodius. Acts of the International Congress held on the Eleventh Centenary of the Death of St. Methodius (Rome, October 8-11, 1985). Roma, 1988. S. 351-380. – (Orientalia Christiana Analecta, Tomus 231).

Tomelleri 1999 – *Tomelleri V.S.* Die правила грамматицныя. Der erste syntaktische Traktat in Russland. München, 1999. – (Specimina Philologiae Slavicae, Bd. 123).

Tomelleri 2002 – *Tomelleri V.S.* Der russische Donat. Vom lateinischen Lehrbuch zur russischen Grammatik. Köln-Weimar-Wien, 2002. – (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B: Editionen, Bd. 18).

Tomelleri 2004 – *Tomelleri V.S.* Il Salterio commentato di Brunone di Würzburg in area slavo-orientale. Fra traduzione e tradizione (Con un'appendice di testi). München, 2004. – (Slavistische Beiträge, Bd. 430).

Tomelleri 2005 – *Tomelleri V.S.* Zur kyrillischen Wiedergabe des Lateinischen im Kreis um den Novgoroder Bischof Gennadij // Die Welt der Slaven. München, 2005. Bd. 50. S. 23-32.

Tomelleri 2007 – *Tomelleri V.S.* Itinerari della terminologia grammaticale: la tradizione slava fra oriente greco e occidente latino // Lessicologia e Metalinguaggio. Atti del Convegno Dipartimento di Ricerca Linguistica, Letteraria e Filologica, Università degli Studi di Macerata (19-21 Dicembre 2005). Roma, 2007. S. 757-779.

Vajs 1926-1927 – *Vajs J.* Jaký vliv měla latinská Vulgáta na staroslovanský překlad evangelní // Slavia. Praha, 1926-1926. Roč. 5. S. 158-162.

О типологии ошибок в новгородских переводах с латыни

Voznjak 1911/1990 – *Voznjak M.* Hramatyka Lavrentija Zyzanija z 1596 r. München, 1990. – (Nachdruck der Ausgabe Lemberg 1911, Specimina Philologiae Slavicae, Bd. 88).

Weingart 1937 – *Weingart M.* Rukověť jazyka staroslověnského. Svazek 1. Praha. 1937.

Wimmer 1990 – *Wimmer E.* Die russisch-kirchenslavische Version von Maximilian Transylvans De Moluccis insulis...epistola und ihr Autor // Zeitschrift für slavische Philologie". Heidelberg, 1990. Bd. 50. S. 50-66.

Wimmer 2005 – *Wimmer E.* Novgorod – ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500), herausgegeben von Judith Henning. Hamburg, 2005. – (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa, herausgegeben von Norbert Angermann, Bd. 13).

Worth 1983 – *Worth D.S.* The Origins of Russian Grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed Grammars. Columbus Ohio, 1983.